

дреевича по 4–5 часов. Выборочно читали дневник, обращая особое внимание не только на несурзности текста, но и на переводы с французского языка, выполненные сотрудницей национального комитета историков Н. Розанцовой.

В перерывах, которые следовали через 2 часа, Пётр Андреевич развлекал нас, рассказывая о своих иностранных учениках. Особую любовь он испытывал к Т. Эммонсу, ставшему впоследствии известным учёным. Вспоминал он и о своей армейской жизни, любил повторять, что учился в кадетском корпусе, но затем ему пришлось работать пожарным. Неоднократно упоминалось также о «парадоксальном эпизоде» его жизни – недолгом браке с преподавательницей марксизма-ленинизма и т.д. Иногда наше сидение прерывала Ираида Павловна, жалуясь, что Пётр Андреевич много работает, не отдыхает и мало внимания уделяет домашним делам. На это её муж отвечал весёлым смехом.

Издательским редактором дневников Половцова стал А.И. Юхт – опытный, придирчивый, но доброжелательный человек. Воспоминания о сотрудничестве с ним вызывают самые добрые чувства.

Как руководитель Пётр Андреевич был строг, иногда придирчив. Но работало с ним приятно и весело. Живость его характера, остроумие, доброжелательство и смешливость создавали необычайно притягательный образ человека, с которым легко общаться и находиться рядом. Кроме того, научные принципы, которыми он дорожил, ставя исторический источник во главу исследовательской деятельности, способствовали освобождению от идеологизации и предвзятости.

Публикаторская работа, особенно под началом умного историка, приносит большую пользу, обогащая и самих публикаторов, и читателей. Она во многом формирует их отношение к истории – науке, в которой знание документальных данных предшествует толкованию событий прошлого.

Сергей Куликов: В лучших традициях отечественной археографии

Sergey Kulikov (Saint Petersburg institute of History, Russjan Academy of Sciences): According of the best traditions of Russia's archeography

За последние десятилетия было издано и переиздано немало дневников государственных деятелей. Чаще всего они просто воспроизводятся, иной раз даже с предисловиями первых публикаторов. Гораздо сложнее, конечно, готовить к печати не опубликованный ещё источник, проводя длительный источниковедческий анализ текста, составляя вступительную статью, текстологические и реальные комментарии и аннотированный именной указатель. Но, пожалуй, ещё труднее опубликовать уже известный документ на качественно новом, по сравнению с предшествующей публикацией, уровне, сверив его с архивными автографами, нуждающимися в тщательном изучении, и устранив все допущенные ранее недостатки. Это требует особого мастерства исследователя. Именно так подготовлен О.Ю. Голечковой дневник А.А. Половцова за 1893–1909 гг. Это издание, выполненное в лучших традициях отечественной археографии, не только хронологически, но и по существу продолжает знаменитый двухтомник, выпущенный в своё время П.А. Зайончковским (и даже восполняет имеющиеся в нём небольшие пропуски).

Как известно, отрывки из дневника Половцова 1894–1909 гг. печатались в 1920–1930-х гг. в «Красном архиве», однако при этом порою пропускались слова, предложения, целые абзацы (иногда из длинной записи воспроизводилось

лишь несколько строк), встречались ошибки в окончаниях, допускалась замена отдельных слов и т.д. Как отмечает Голечкова, сознательно «отбиралась информация, дискредитировавшая самодержавную власть и всех, которые имели к ней хотя бы какое-то отношение» (с. 25), и, наоборот, в журнале советских архивистов «нередко оказываются изъятými отдельные слова и выражения, зачастую – характеристики, описывающие представителей верхов с положительной стороны» (с. 27). Поэтому Голечковой пришлось по сути реконструировать дневник 1893–1909 гг. как целостный документ, что значительно затруднялось дефектами описи фонда. Результатом этой работы стала уникальная в своем роде сводная таблица (с. 33–36). Одновременно были составлены аннотированный указатель имён, указатель географических названий, мест и сооружений, указатель государственных учреждений, административных единиц и должностей, а также список библиографических сокращений.

Характеризуя во введении публикуемый источник, Голечкова указывает, что «дневниковые записи выглядят взвешенными и продуманными» (с. 8), однако буквально на следующей же странице отмечает: «Половцов предельно сдержан, хотя нередко возмущается поведением представителей высшего общества или действиями правительства. Обычно он не стесняется в выражениях». Более того, «практически ни о ком не отзывался одобрительно» (с. 9). Действительно, по хлесткости и категоричности оценок дневник А.А. Половцова сравним с воспоминаниями гр. С.Ю. Витте. Оба они писали не столько для себя, сколько для потомства. Вместе с тем, если в суждениях о современниках Половцов был крайне субъективен, то, описывая события, в которых лично участвовал, и излагая мнения своих собеседников, он всегда оставался достаточно точен и объективен.

И то, и другое отразилось на изображении в дневнике Николая II. Председатель Комитета министров Н.Х. Бунге 28 октября 1894 г. сказал Половцову о новом императоре: «Он положительно очень умён и в высшей степени сдержан в проявлении своих мыслей» (с. 88). А Бунге знал своего ученика, пожалуй, лучше, чем подавляющее большинство окружавших его людей. При этом другой преподаватель Николая II – К.П. Победоносцев 15 августа 1900 г. отзывался о монархе гораздо критичнее: «Он имеет природный ум, проницательность, схватывает то, что слышит, но схватывает значение факта лишь изолированного, без отношения к остальному, без связи с совокупностью других фактов, событий, течений, явлений. На этом мелком, одиночном факте или взгляде он и останавливается. Это результат воспитания кадетского офицера да, пожалуй, горничных, окружавших его мать. Широкого, общего, выработанного обменом мысли спором, прениями для него не существует, что доказывается тем, что недавно он сказал одному из своих приближённых: “Зачем вы постоянно спорите? Я всегда во всём со всеми соглашаюсь, а потом делаю по-своему”» (с. 273).

Однако, соглашаясь с каждым, Николай II проявлял не столько слабование, сколько стремление сохранить свободу рук и независимость от советников, что, естественно, вызывало у них недовольство и отчуждение. Не случайно весной 1897 г. Половцов констатировал, говоря о царе и царице, что «около этой симпатичной четы нет никакой способной на руководство личности» (с. 196).

В то же время Половцов не раз сообщает об интересе Николая II к правителям и государственным деятелям, вошедшим в историю благодаря своим преобразованиям. Так, 15 сентября 1895 г. император заявил о Екатерине II:

«Я благоговею пред её личностью, восхищаюсь ей» (с. 166). 28 января 1899 г., беседуя с Половцовым о книге Н.К. Шильдера «Император Александр I», он воскликнул: «Как это интересно, но как Шильдер изображает в невыгодном свете характер императора Александра!» (с. 225). Судя по царским репликам, ему была «интересна деятельность Сперанского» (с. 226). Когда 23 февраля 1901 г. Половцов заговорил о необходимости учреждения заповедных имений, Николай II «в подтверждение правильности» мнения собеседника вспомнил «о майоратах Петра Великого» (с. 280). Читая В.О. Ключевского, монарх, по словам Половцова, «восхищается характеристикой Алексея Михайловича» (с. 412). Услышав 23 февраля 1901 г. нелестный отзыв Половцова о «военной тирании кровожадного Бонапарта», «Государь выражает удивление о такой оценке Наполеона и ставит ему в большую заслугу издание “Codex Napoleon”» (с. 279).

По дневнику Половцова хорошо видно, как менялось отношение высшей бюрократии и большого света к Николаю II и Александре Фёдоровне. Так, 30 октября 1894 г. в нём отмечено: «Ничего дурного, неодобрительного для личностей молодого Государя и его невесты не слышим, напротив, он умён и сдержан, она мила решительно во всех отношениях» (с. 91). Но уже 17 июля 1899 г. Александр Александрович записал: «Юный император, преисполненный лучших душевных свойств, не имеет ни надлежащего образования, ни практики в делах государственных, ни, в особенности, никакой твёрдости характера. Его убеждает и переубеждает всякий» (с. 240).

Конечно, отсутствие «надлежащего образования» – понятие относительное. Ведь в середине 1890-х гг. тот же Половцов не раз сожалел о «недостатке финансового образования» у С.Ю. Витте, который характеризовался им как человек, «лишённый и первоначальных, и всяких государственных сведений», «общего образования и специальных по своей части сведений» (с. 64, 105, 176). Что же касается нетвёрдости и зависимости от чужих взглядов, то весной 1897 г. сам Половцов, размышляя о том, какие «люди» имеют «влияние на царя», признавался: «Не знаю. По своей личности, думаю, нет никого, и влияние принадлежит тому, кто по служебному положению имеет к нему доступ и притом в размерах уделённого его ведомству, отрывочно, почти всегда с преобладанием личных уважений и соображений» (с. 202).

Разумеется, Николай II учитывал мнение советников, но в целом был не более «слабоволен», чем Александр III. «Никогда не должно стыдиться, когда сознаёшь сделанную ошибку», – сказал царь Половцову 1 мая 1903 г., исправляя старую резолюцию на новую (с. 421). И всё же глухое недовольство монархом в среде высшей бюрократии нарастало. Наличие у него неофициальных советников (А.М. Безобразов, Н.А. Демчинский, А.А. Клопов, кн. В.П. Мещерский, кн. Э.Э. Ухтомский, Филипп) вызывало раздражение. Сановники испытывали к ним ревность, доходившую до ненависти.

К сожалению, сам масштаб проделанной О.Ю. Голечковой работы сделал практически неизбежным наличие некоторых фактических неточностей и недочётов. Так, товарищами министра народного просвещения в январе 1902 г. являлись Г.Э. Зенгер и И.В. Мещанинов, а не С.М. Лукьянов (с. 328), занявший данный пост 29 апреля 1902 г. Сын автора дневника А.А. Половцов-младший был назначен товарищем министра иностранных дел 16 октября 1916 г., а не 1 января 1917 г. (с. 37), когда Николай II пожаловал ему звание шталмейстера. Граф С.Д. Шереметев не был «шурином (братом жены)» Д.С. Сипягина, как

следует из комментариев на с. 203, 206 и 379, они были женаты на сёстрах, о чём и пишет А.А. Половцов (с. 206), употребляя слово «beau-frère». Любовницей вел. кн. Николая Николаевича Младшего являлась не Е.Г. Числова (с. 240), любовница его отца, Николая Николаевича Старшего, как верно написано в аннотированном указателе (с. 636), а С.И. Буренина. В комментарии на с. 248 сообщается, что при императоре ежедневно дежурили «флигель-адъютанты или генерал-адъютанты», тогда как ежедневное дежурство несли только флигель-адъютанты, а так называемое полное дежурство – флигель-адъютант, генерал-майор Свиты и генерал-адъютант – назначалось исключительно в дни официальных торжеств. В комментарии на с. 235 учреждение Совета министров ошибочно отнесено не к 1861 г., а к 1906 г. На с. 178 речь идёт не про «хор города Архангельский», а о хоре под управлением А.А. Архангельского. Кроме того, вероятно, следовало бы прокомментировать запись, сделанную Половцовым 30 апреля 1901 г., в которой приводится резолюция Николая II на мнении Государственного совета об уничтожении телесных наказаний для крестьян: «Это будет тогда, когда я этого захочу» (с. 295). Ведь далеко не все читатели могут помнить, что телесные наказания для крестьян были отменены манифестом 11 августа 1904 г., изданным по случаю рождения наследника цесаревича Алексея Николаевича. Указав на то, что после реформирования Государственного совета в 1906 г. Половцов «вошёл в состав» верхней палаты (с. 40), исследовательница почему-то ничего не говорит о его принадлежности к числу основателей Правой группы и т.д.

Отдельные слова оказались неразобранными или неправильно прочитаны. На с. 354 «графиней Воное (рожденной Анненковой)» названа графиня de Vogüé, жена графа (позднее маркиза) Э.-М. де Вогюэ и сестра генерала М.Н. Анненкова; фамилия британского премьер-министра, упоминаемого на с. 413, не «Абердельн», а Абердин (Эбердин). На с. 461 следует читать не «князь Орбемани», а князь Орбелиани.

Нельзя не отметить и явную небрежность, с которой солидное петербургское издательство «Алетейя» отнеслось к публикации столь ценного исторического источника. Похоже, редакторская работа над авторской рукописью оборвалась, не завершившись. На с. 42 сохранилась первоначальная фраза о том, что «комментарии к публикуемому тексту имеют общую нумерацию и даны в конце книги», хотя впоследствии их сделали постраничными, с таковой же нумерацией. Тем не менее в опубликованном тексте остались следы прежней редакции («подробнее см. комментарий 69 за 1893 г.» (с. 152)) и даже пожелания редактора («требуется определение» (с. 74)), («комментарий (или в указатель институций)» (с. 92)). В списке библиографических сокращений пропущен целый ряд изданий, упоминаемых в комментариях (с. 94, 169, 410).

Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло! Перечисленные оплошности и сравнительно небольшой тираж дают повод задуматься о подготовке второго издания дневника А.А. Половцова. К тому же первое разошлось буквально мгновенно.

Материал подготовлен А.В. Мамоновым